

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 808.53

ББК Ш7

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.00; 10.02.05

А. М. Амагов

Белгород, Россия

A. M. Amatov

Belgorod, Russia

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И АПОЛОГИЯ НЕПОПУЛЯРНОГО РЕШЕНИЯ

POLITICAL DISCOURSE AND APOLOGIA OF UNPOPULAR POLICIES

Аннотация. Как институциональный жанр политического дискурса рассматриваются парламентские выступления. На примере выступлений премьер-министра Испании Хосе Мари Аснара выявляются классические стратегии политического дискурса, применяемые для обоснования непопулярных политических решений.

Abstract. The paper deals with parliamentary speech as an institutional genre of political discourse. The speech delivered by Spanish prime-minister Jose Maria Aznar serves as an example of classical political discourse strategies used to justify unpopular policies.

Ключевые слова: политический дискурс; парламентское выступление; Хосе Мария Аснар; Ирак; непопулярное политическое решение.

Key words: political discourse; parliamentary speech; Jose Maria Aznar; Iraq; unpopular policies.

Сведения об авторе: Амагов Александр Михайлович, профессор, доктор филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков №1.

About the author: Amatov Alexander Mikhailovich, Professor, Doctor of Philology, Assistant Professor of the Chair of Foreign Languages №1

Место работы: Белгородский государственный университет.

Place of employment: Belgorod State University.

Контактная информация: 308015, г.Белгород, ул.Победы, 85.
e-mail: amatov@bsu.edu.ru.

Наверное, любому крупному политику хотя бы раз за свою политическую карьеру придется принимать решение, которое не находит поддержки среди широких слоев населения, а возможно, и среди коллег и политических единомышленников. Причины, по которым политические деятели идут на такие шаги, могут быть различными; мы не ставим перед собой задачи проанализировать, почему тот или иной политик принял непопулярное решение и приложил усилия для его продвижения. Нас интересует, какими средствами (прежде всего языковыми) политики обосновывают правильность таких ходов, стремясь убедить оппонентов в необходимости какого-либо непопулярного шага.

В качестве примера политической риторики в защиту крайне непопулярного в обществе политического решения мы рассмотрим ряд выступлений премьер-министра Испании Хосе Марии Аснара в испанском парламенте (Кортесах) в феврале-марте 2003 г. в поддержку политики администрации Дж. Буша в отношении Ирака. При этом в качестве фактического материала мы будем оперировать первым выступлением на данную тему, а именно речью в Кортесах от 5 февраля 2003 г., текст которой был опубликован в мадридской Эль Паис (*El País*. Madrid, 2003. 4 de junio).

Предваряя анализ, отметим два обстоятельства, которые не могли не повлиять на риторику выступлений премьера. Во-первых, они прозвучали вразрез с общественным мнением: более 90 % населения выступало против не санкционированной ООН войны в Ираке, включая Народную партию (*Partido Popular*) и самого

премьер-министра (см., напр.: «Аснар получил „пощечину“» // Независимая газета. 2003.27.05). Во-вторых, Аснар, прекрасно сознавая, что его решение не имеет поддержки, продвигал его, проигнорировав как крупнейшие политические демонстрации, когда-либо проводившиеся в Испании, так и оппозицию в лице всех остальных партий, вплоть до собственных сторонников по коалиции, тем самым рискуя потерять огромное количество голосов на приближающихся выборах в мае 2003 г.

Как уже говорилось, мы не будем пытаться установить истинные причины, побудившие Аснара совершить «политическое самоубийство». Возможно, они связаны с консервативной идеологией, которую Аснар разделял с администрацией Дж. Буша, возможно, Аснар был искренне обеспокоен наличием у Ирака оружия массового уничтожения, а может быть, его основной, но явно не артикулируемой целью было заручиться поддержкой США в локальном конфликте с баскской террористической организацией ЭТА. Для нашего анализа важно лишь то, что Аснар принял и продвигал в высшей степени непопулярное политическое решение и что он в полной мере представлял степень его непопулярности. Во всяком случае, эти два момента мы можем рассматривать как определенно истинные предпосылки, с учетом которых Аснар готовил свое выступление в Кортесах: премьер-министр должен был понимать, какую реакцию вызвала его поддержка не санкционированной ООН военной операции против страны, не представлявшей для Испании угрозы.

Выступления Аснара были выдержаны в духе антитеррористической риторики, возобладавшей в политическом дискурсе после атак на Всемирный торговый центр 11 сентября 2001 г. Одной из особенностей этой риторики стала легитимизация международного насилия, основанного на подозрениях, а не на доказательствах и/или международных санкциях, например, исходящих от Совета Безопасности ООН. Это обстоятельство также важно для анализа политических импликаций, которыми изобиливали выступления испанского премьер-министра.

Анализ политического дискурса не должен и не может ограничиваться структурными особенностями текста и выступления: необходимо также учитывать их условия и функции в политическом процессе. В рамках критического дискурс-анализа предполагается комплексное исследование той или иной социальной проблемы в «треугольнике» из трех аспектов: дискурса, когниции и социальных механизмов [см., напр., Van Dijk 1993, 2003]. Исходя из этого, мы заинтересованы не только в описании каких-то интересных особенностей политической риторики, нам требуется связать их с такими социально-когнитивными представлениями, как отношения, нормы, ценности и идеологические установки (например, те, которые Аснар разделяет вместе со своей партией). Более того, необходимо учитывать и социально-политический контекст современной Испании, в котором были произнесены речи. Таким образом, выступления Аснара и их особенности мы рассматриваем не только как тексты, но и как выражение политического сознания и политические действия в политических процессах, таких, как партийная пропаганда и принятие решений на государственном уровне, а также дипломатия, создание коалиций и политика власти на уровне международном.

Парламентские дебаты в целом (а выступления Аснара относятся именно к этому жанру политического дискурса) можно рассматривать как форму институционального вербального взаимодействия. Как жанр политического дискурса, парламентские дебаты являются частным проявлением глобальной политической деятельности по законодательству, управлению и контролю над правительством. Такие дебаты включают выступления членов парламента и правительства, которые прагматически функционируют с целью представления и легитимации правительственных решений и проектов, поддерживающих правительство или оппозиционных ему. Соответственно следует выбирать и релевантные методы анализа: мы будем исходить из того, что структуры выступлений в этих дебатах можно описать как частные действия, направленные на общую реализацию указанных глобальных политических функций.

В своем анализе мы вынуждены опустить ряд формальных свойств жанра парламентских дебатов (порядок выступлений в соответствии с

членством в проправительственных или оппозиционных партиях, контроль за очередностью выступлений, реплики с мест и т. п.), поскольку опираемся на текст (и то сокращенный) речи Аснара перед Кортесами с некоторыми примечаниями стенографиста, а не на диктофонную запись выступления. В анализируемом тексте не сохранились спонтанные формы речевого взаимодействия, оговорки, поправки, незавершенные высказывания и т. п. Потому предмет нашего анализа ограничивается логикой аргументации Аснара и практически не распространяется на непосредственную реакцию аудитории, хотя «живое» восприятие речи в конкретном дискурсе, безусловно, само по себе является интересной проблемой для дискурс-анализа. Принимая во внимание указанные ограничения, перейдем к рассмотрению риторики экс-премьера Испании Хосе Марии Аснара, направленной на оправдание и поддержку военного вторжения в Ирак.

Многим типам дискурса присуща вводная конструкция, которую можно назвать обрисовкой ситуации. Эта конструкция особенно значима для дискурса, основная цель которого — прокомментировать социальную или политическую ситуацию, дать рекомендации по конкретным действиям, оправдать или узаконить те или иные политические решения. Если кто-то хочет объяснить или оправдать свои действия (особенно подвергаемые критике), есть смысл представить ситуацию таким образом, чтобы эти действия выглядели логичными, понятными, неизбежными или по меньшей мере приемлемыми по тем или иным соображениям. Например, существуют нормативные акты (и международное право), позволяющие людям и государствам защищаться, когда они подвергаются нападению, — и американские политики, ученые и военные оправдывали войну в Ираке именно на этих основаниях [см., напр., Chomsky 2003]. Таким образом, если Аснару требовалось защитить свою крайне непопулярную политику в отношении Ирака, с его стороны логично было бы при изложении политической ситуации продемонстрировать рациональность и законность своего шага. Именно это он и делает буквально в первых словах выступления, определяя ситуацию в Ираке как кризисную (полужирный курсив мой — А. А.):

El señor PRESIDENTE DEL GOBIERNO (Aznar López): *Señora presidenta, señorías, al comenzar el periodo de sesiones, comparezco esta tarde ante la Cámara para informar a SS.SS. de la posición del Gobierno ante la crisis que enfrenta a la comunidad internacional con Irak.*

Председатель правительства (Аснар Лопес): *Госпожа председатель, уважаемые господа, в самом начале этой сессии, сегодня, я выступаю перед этим парламентом с целью сообщить его уважаемым членам о том положении, в котором оказалось наше правительство ввиду кризиса, связанного с Ираком, ко-*

торый противопоставляет себя мировому сообществу.

Поскольку «по умолчанию» подразумевается, что политики, парламентарии и особенно правительства должны принимать меры, когда наступает «кризис», уже одно только употребление этого слова подготавливает слушающего (т. е. парламентариев) к мысли о правильности излагаемой далее позиции правительства. Здесь же за счет тонкой манипуляции даже не значением слова «кризис», а его прагматикой, производится подмена тезиса. В самом деле, даже оппозиция описывает текущую ситуацию с Ираком как кризис, хотя бы в силу надвигающейся войны. Подмена заключается в том, что Аснар обвиняет в кризисе не тех, кто его начал, угрожая войной (а именно, США и Великобритании), а Ирак, которому грозили войной.

Здесь же мы наблюдаем реализацию глобальной семантической стратегии положительного представления себя и негативного представления другой стороны — «Мы и Они». Как и во многих других выступлениях после 11 сентября, *Мы* представляет собой западные демократии, которые борются против терроризма «стран-изгоев», а *Они* — это террористы или государства, которые угрожают (реально или мнимо) западным демократиям, в данном случае — конкретно Саддам Хусейн. Такая семантическая поляризация может риторически подчеркиваться обычными средствами, т. е. гиперболами и метафорами, указывающими, что хорошо у *Нас* и плохо у *Них*. Так, Аснар намекает, что его правительство — это часть *Нас*, т. е. принадлежит к внутренней группе, которую он обозначил как «мировое сообщество». Таким образом, его политика идет в ногу с политикой мирового сообщества и, следовательно, легитимна. В то же время оппозиция, не желающая вступать в войну (к слову сказать, придя к власти в марте 2004 г., оппозиция немедленно приняла решение отозвать испанские войска из Ирака), не является частью мирового сообщества и соответственно менее легитимна в своих заявлениях. Здесь Аснар, по сути, повторяет политическую логику президента Джорджа Буша: если та или иная партия (правительство, социальная группа и т. д.) не с «мировым сообществом» (т. е. США, Великобританией и некоторыми другими странами), то она против «мирового сообщества», а возможно, даже в сговоре с врагом — Саддамом Хусейном.

Помимо этих отчетливо прослеживаемых политических импликаций в речи вообще и во вступлении в частности содержится ряд более тонких импликаций. Под импликациями мы, вслед за многими исследователями в области дискурса и дискурс-анализа [напр., Gazdar 1979; Levinson 2000], подразумеваем прагматические и/или контекстуальные выводы, которые не могут быть сделаны из высказываний как таковых, но возникают в определенном контексте и при определенных установках участников

дискурса. Проще говоря, импликатура — это импликация «для посвященных», возникающая только в соответствующем контексте и при наличии у слушающего определенной когнитивной установки. В данном примере импликатурой является демонстрация Аснаром в самом начале выступления того, что он полностью осознает свою позицию, позицию своей партии, а также оппозиции и большинства населения по вопросу об Ираке. Таким образом, в сложившейся ситуации ему крайне важно не только сделать содержание речи эффективным инструментом в общей стратегии продвижения собственной политики, но и зарекомендовать себя ответственным партийным лидером и премьер-министром. Кроме того, данная импликатура призвана лишить оппозицию оснований для обвинения Аснара в незнании ситуации, опрометчивости решения, непродуманности последствий для общества и т. д.

Вместо того, чтобы прямо начать свой доклад с изложения политики испанского правительства по Ираку, Аснар предваряет выступление дейктической формулой, призванной обрисовать причину своего появления в парламенте. Разумеется, подобные перформативы (*comparezco esta tarde ante la Cámara*) могут быть всего лишь достаточно формализованными средствами обращения, однако в данном случае они содержат и особые политические импликации. Дело в том, что оппозиция и СМИ обвиняли Аснара в игнорировании мнения парламента и обществу, в неполном информировании по вопросам правительственной политики в отношении Ирака. Таким образом, представ перед парламентариями с докладом, в первых же словах он сделал намек на целый ряд обстоятельств. Во-первых, это означало, что Аснар работает с парламентом. Во-вторых, он прислушивается к мнению оппозиции и народа, как и надлежит поступать истинному демократу. В-третьих, предшествующая критика в его адрес больше не актуальна. Наконец, в-четвертых, те, кто формулировал предыдущие критические замечания (например, социалисты), не имеют на то оснований: по сути, «это они не серьезные политики, а не я». Эти и, возможно, другие политические импликации могут рассматриваться как часть контекстуальной поляризации с целью сохранить лицо, т. е. представить себя с положительной стороны, а других — с отрицательной. И, конечно, такое вступление подготавливает Аснару плацдарм для контратаки.

После вступительной обрисовки ситуации, сделав серию общих контекстуальных импликаций, Аснар переходит к дальнейшим аргументам, которые призваны объяснить позицию его правительства в ситуации, которую он охарактеризовал как критическую. Теперь Аснар начинает явно приписывать вину в возникновении кризиса Ираку:

La crisis es consecuencia del reiterado incumplimiento por parte de Irak de sus

obligaciones internacionales y de las resoluciones del Consejo de Seguridad de las Naciones Unidas. A poco que hagamos memoria, vemos que no es más que un nuevo episodio del problema surgido en 1990, cuando el régimen iraquí invadió Kuwait. (Rumores.)

Этот кризис — следствие систематических отказов со стороны Ирака выполнять международные обязательства и резолюции Совета Безопасности ООН. Не трудно увидеть, что это еще один эпизод проблемы, которая возникла в 1990 г., когда иракский режим вторгся в Кувейт. (Шум в зале.)

Отметим, что Аснар идет гораздо дальше простых обвинений Ирака в создании кризиса. Помимо прочего, он имплицитно еще целый ряд моментов.

Во-первых, называя отказы Ирака выполнять резолюции Совбеза ООН «систематическими», он акцентирует внимание на серьезности ситуации: если отрицательное действие (такое, как отказ выполнять договоренности) не является непреднамеренным или исключительным и происходит не в первый раз, то его систематичность делает его преднамеренным и отягчает вину нарушителя.

Во-вторых, указывая на международные обязательства и Совет Безопасности ООН, он подчеркивает, что Ирак отвергает высшую международную инстанцию. Тем самым в очередной раз акцентируется «официальная» вина Ирака, а заодно и легитимность, если не обязательность, осуждения Ирака и принятия против него решительных мер.

В-третьих, Аснар ссылается на первую Войну в Персидском заливе, в которой агрессия Ирака (Саддама Хусейна) была очевидна из-за вторжения в Кувейт. Здесь опять происходит подмена тезиса. Называя текущую ситуацию продолжением того вторжения, Аснар делает политический намек как минимум на два других обстоятельства: Ирак все равно виновен в провокации международного кризиса, и сейчас, как и в 1990 г., международные (военные) действия против Ирака законны. Таким образом, речь премьер-министра не просто описывает международный кризис: ментальная модель события, выражаемая и передаваемая описанием политической ситуации, получается именно такой, какая выгодна Аснару для убеждения парламентариев. В то же время импликации подобной обрисовки дают целый ряд аргументов в пользу легитимации политики Аснара, позволяя ему:

- изобразить текущую ситуацию как кризис;
- обвинить Ирак в том, что он не согласен с решениями Совбеза ООН, а следовательно, нарушает международные резолюции;
- обрисовать эти нарушения как продолжение агрессии против Кувейта и обосновать легитимность отпора Ираку путем военного вторжения, как в случае с Войной в Персидском заливе.

В самом деле, поскольку диктаторов в мире

много, сам факт угнетения Саддамом Хусейном иракского народа не является поводом для объявления Ираку войны, тем более с санкции ООН. Поэтому апологету военного варианта необходимо выдвинуть любое свидетельство или аргумент, на основании которого Ирак можно признать виновным в нарушении международных законов либо же, апеллируя к принципу прецедента права, обрисовать его нынешнюю политику как аналогичную той, которая ранее привела к оправданной войне. То, что эту импликацию поняли, но отвергли, можно заметить по протестам со стороны других членов парламента, обозначенным в стенограмме как «шум в зале» (*rumores*).

Теперь рассмотрим такую немаловажную стратегию, как положительная саморепрезентация (проще говоря, представление себя в выгодном свете, «самопиар»), примеров которой в тексте выступления можно найти немало. Смысл этой стратегии прост: представлять себя с положительной стороны или как минимум избегать отрицательных образов и в целом производить положительное впечатление на собеседников. Данная стратегия применяется в большинстве форм общественного дискурса, особенно если хорошее впечатление исключительно важно, например, по причине более сильного воздействия на большую аудиторию, а также ввиду возможного ущерба для профессиональной или политической репутации вследствие «неправильного» представления себя. Это особенно важно в политическом дискурсе, когда оппозиционные политики, а также СМИ (а вслед за ними и широкая общественность) критически воспринимают услышанное и анализируют каждое слово. В такой ситуации любой неосторожный шаг может стоить голосов на следующих выборах. Можно было ожидать, что Аснар также будет прибегать к многочисленным и разнообразным формам положительной самопрезентации, особенно с учетом сокрушительной критики его позиций по вопросу Ирака, поступившей из СМИ, от большинства других политических партий, да и от основной массы населения. (Пожалуй, мало по каким вопросам, выносившимся на дебаты в Испании в последние десятилетия, критика правительства была настолько всеобъемлющей.) Проще говоря, Аснару требовалось серьезно поправить свой имидж. Рассмотрим некоторые из его ходов в этом направлении. Вот первый пример, из самого начала выступления:

Esta comparecencia continúa la información proporcionada a SS.SS. por el gobierno anteriormente. En concreto, el Gobierno ha informado sobre la situación de Irak por medio de la comparecencia de la ministra de Asuntos Exteriores en un total de cinco ocasiones, la última el viernes pasado ante la Comisión correspondiente. Yo mismo he comparecido para dar cuenta de la posición del Gobierno en otras dos ocasiones. El Gobierno también ha contestado

por escrito a diversas preguntas que se le han formulado sobre la cuestión. A la comparecencia de hoy seguirán otras mías o de los ministros de Asuntos Exteriores y de Defensa, en función de los acontecimientos y según la forma que requiera la evolución de esta crisis, conforme al Reglamento de la Cámara.

Я представляю ту информацию, которую уважаемые господа парламентарии могли и раньше получить у правительства. В частности, правительство представляло эту информацию о ситуации в Ираке в виде пяти презентаций министра иностранных дел — последняя такая презентация для соответствующего комитета была в минувшую пятницу. Я сам дважды выступал здесь с отчетом о позиции правительства. Правительство также дало письменные ответы на ряд вопросов по данной проблеме. За нынешней презентацией последуют другие, которые буду делать я сам либо министры иностранных дел и обороны, в зависимости от событий, связанных с развитием кризиса, и в соответствии с правилами, принятыми в парламенте.

Сразу возникает вопрос: зачем Аснару понадобилось так подробно освещать свои регулярные отчеты перед Кортесами? Наиболее правдоподобный ответ связан с упреками со стороны оппозиции в том, что Аснар, в отличие от Тони Блэра, практически не пытался объяснить или оправдать свою политику в отношении Ирака, игнорируя выступления оппозиции против военного решения проблемы. Иными словами, для демонстрации того, что он прислушивается к людям и следует (как он прямо заявил) правилам, принятым в парламенте, Аснар подчеркивает свое согласие с правилами демократии. Этим заявлением для политически подкованной аудитории имплицитно, что выступающий — демократ и всецело уважает пожелания парламента.

В речи Аснар использует много разных форм положительной самопрезентации: это представление себя выступающим и от имени своей группы или организации (в данном случае правительства), и от имени страны, и от собственного имени. Две первые тактики широко распространены в политическом дискурсе, а вот третья носит личностный характер и направлена не столько на убеждение слушающих в обоснованности политического курса, сколько на создание положительного имиджа самого говорящего. Также немаловажно подчеркивание Аснаром того, что с политической точки зрения деятельность его правительства — благо для страны. В то же время с личной и коммуникативной точек зрения он представляет себя заслуживающим доверия и честным политиком:

Creo sinceramente que hoy estoy cumpliendo lo que reclamé cuando encabezaba la oposición, lo que me comprometí al ser elegido presidente del Gobierno, lo que creo más razonable y lo que

creo que conviene mejor a España y a los españoles.

Я искренне убежден, что я делаю то, чего требовал еще возглавляя оппозицию и чему я посвятил себя, когда был избран председателем правительства, — то, что я считаю наиболее разумным и правильным для Испании и испанцев.

В политическом или ином идеологизированном дискурсе положительная саморепрезентация обычно сочетается с отрицательной репрезентацией или умалением заслуг другого по принципу известной психологической поляризации «свой — чужой». Так, в выступлениях, которые нацелены на оправдание или легитимацию войны, унижение противника является исключительно важным. Хотя поначалу Саддам Хусейн рассматривался как сторонник цивилизованных стран и пользовался их поддержкой (например, в действиях против Ирана), с момента оккупации Кувейта он стал изображаться самым ярким злодеем в глазах Запада — как в политике, так и в СМИ. Поэтому нет ничего удивительного в том, что с внезапным возникновением интереса США и их союзников к «странам-изгоям» и «международному терроризму» после атак 11 сентября Саддам Хусейн быстро стал «негодяем номер один», особенно после того как не удалось быстро поймать Усаму бен Ладена. Это и другие фоновые события и попытки легитимации войны против Ирака, конечно, тоже обыгрываются в дискурсах союзников США, а именно Великобритании и Испании, и поэтому следовало ожидать, что Аснар будет активно унижать Саддама Хусейна в своих выступлениях. Более того, сила этих аргументов не только в том, что Хусейн действительно был диктатором, жестоко угнетавшим народ Ирака, но и в том, что их вряд ли стала бы оспаривать левая оппозиция, поэтому публичная критика Саддама является замечательной тактической уловкой: левая, гуманистически настроенная оппозиция не может высказываться в защиту тирана. Таким образом, если война против Саддама Хусейна и не была в строгом смысле легальной, то имелся хороший аргумент для оправдания ее по крайней мере с чисто гуманистических позиций.

Однако, как известно, во избежание нарушений международных конвенций было решено официально мотивировать войну угрозой оружия массового уничтожения, а не диктаторским режимом Саддама Хусейна или нарушением прав человека: этот аргумент можно было бы применить ко многим другим странам и диктаторам. Поэтому неудивительно, что Аснар подчеркивает отрицательные характеристики врага, Саддама Хусейна, не забывая при этом упомянуть «главную угрозу для прогрессивного человечества»:

El de Sadam es un régimen de terror que no ha dudado en emplear armas de destrucción masiva en las guerras que ha promovido contra sus países vecinos y contra su propio pueblo.

Режим Саддама — это режим страха, который без колебаний применил оружие массового уничтожения в войне, которую вел против соседних стран и против собственного народа.

Здесь мы находим стандартный набор гипербола и иных стилистически окрашенных приемов (*terror, armas de destrucción masiva*) наряду с другими формами отрицательной характеристики лица или группы лиц. Почему Аснару было так важно повторять и подчеркивать, что Саддам Хусейн — это «очень плохой парень»? Ведь и оппозиция, и общественное мнение в целом были согласны с этим, поэтому не было смысла спорить по этому поводу и кого-то убеждать. Так каковы же политические импликатуры унижения Аснаром Саддама Хусейна в данном случае? Наиболее резонными представляются следующие из них.

Во-первых, если левая оппозиция (прежде всего социалистическая) не хочет воевать против Саддама Хусейна, то она фактически играет на руку тирану. Все мы знаем, какой он жуткий диктатор, но оппозиция все равно его поддерживает — даже вопреки интересам населения Ирака. Это явно не соответствует гуманистическим и общественным ценностям, провозглашаемым оппозицией. Так что, не поддерживая войну против Саддама Хусейна и, соответственно, политику правительства Аснара, социалистическая оппозиция предает собственные принципы. А разве можно доверять таким политикам?

Во-вторых, поскольку Аснар желает поддержать коалицию, стремящуюся разгромить такого ужасного диктатора, как Саддам Хусейн, он выполняет свои обязанности как ответственный премьер-министр.

В-третьих, описывая и подчеркивая такие характеристики Саддама Хусейна, которые уже упоминались Соединенными Штатами (вторжение в Кувейт, прежние нарушения резолюций ООН, якобы имеющееся оружие массового уничтожения и связи с террористическими организациями и т. д.). Аснар указывает на наличие у своего правительства и партии мощного союзника. Это может рассматриваться как демонстрация легитимности политики, но также показывает и политическое «фамильное сходство» Буша и Аснара как дружественных политиков-консерваторов. По этой же причине гораздо меньший акцент делается на серьезные нарушения прав человека со стороны Саддама Хусейна: это лучше оставить «на съедение» социалистам из оппозиции.

В-четвертых, подчеркивая опасность «для всех нас» от возможного использования террористами оружия массового уничтожения, полученного якобы при участии Саддама Хусейна, Аснар выказывает вполне понятную и необходимую озабоченность ответственного лидера и в то же время намекает, что оппозиция такой озабоченности не проявляет и, следовательно,

но, пренебрегает ответственностью перед обществом.

Конечно, здесь могут содержаться и другие импликатуры, но мы не ставили перед собой цель выявить их все, тем более что не представляем в полной мере политическую ситуацию в Испании. Во всяком случае, понятно главное: то, что Аснар говорит о Саддаме Хусейне, имеет мало общего с его личным мнением о диктаторе, скорее это связано с общей стратегией легитимации войны против подобного тирана. Политические импликатуры такого отрицательного представления противника (диктатора), таким образом, являются также способом положительного представления своей позиции и политики, а следовательно, политики собственной партии и правительства, что одновременно бросает тень на политику оппозиции. Подробное описание вопиющих нарушений прав человека Саддамом Хусейном не удовлетворило бы требованиям политических функций: такое оправдание отличалось бы от основных аргументов США, противоречило бы международным нормам (которые не позволяют без веских оснований устранять даже явных диктаторов) и слишком сильно совпадало бы с мнением оппозиции. Более того, это могло бы вызвать неудобные вопросы о том, почему раньше, когда он был их союзником против Ирана, США поддерживали Саддама Хусейна (например, поставками отравляющего газа и других вооружений). Другими словами, негативная презентация другой стороны в политическом дискурсе — это не просто описание «плохого парня», а политически уместная выборка релевантных на данный момент «плохих» черт, раскрывающихся в дискурсе.

Немаловажно также учесть импликации, импликатуры, а иногда и прямые заявления Аснара, релевантные «на местном уровне», т. е. собственно в Испании. Речь идет о тех случаях, когда Аснар косвенно, а иногда и прямо, связывает Ирак и Саддама Хусейна с международным терроризмом, а международный терроризм — с террористами из ЭТА.

España ha impulsado con toda sus fuerzas estas políticas y vemos con satisfacción cómo la lucha contra estas lacras ha escalado posiciones en la agenda de la comunidad internacional hasta convertirse en objetivo básico de ésta. Sabemos que ello nos ayudará — ya lo está haciendo — en nuestra lucha contra el terrorismo de ETA y creemos que es un deber específico de España ofrecer su cooperación a otros países señalados por el terrorismo. Creo que la pasividad ante estas nuevas amenazas es nuestro mayor peligro.

Испания энергично проводит такую политику, и мы с удовлетворением видим, как борьба с этой чумой стала приоритетом в международной политике и даже ее основной целью. Мы знаем, что это поможет нам — и уже помогает — в нашей борьбе против террористов ЭТА и убеждены, что особый долг

Испании — предложить свое сотрудничество другим странам, подвергшимся нападениям террористов. Я убежден, что пассивность перед лицом этой новой угрозы представляет для нас наибольшую опасность.

Риторика, как видим, нацелена на оправдание политики в отношении Ирака, но одновременно выполняет и другую политическую функцию: подчеркивает положительную роль консервативного правительства в борьбе против ЭТА. То, что международный терроризм и тем более Ирак не имеют никакого отношения к акциям ЭТА, конечно же, умело оставлено «за кадром». Для этой цели используется общее понятие «терроризм», т. е. Аснар фактически прибегает к софизму, основанному на манипулировании не значениями термина (определение терроризма однозначно), а прагматическим и контекстуальным аспектами его употребления. Здесь же проявляется еще одна политическая импликатура — обвинение оппозиции в несостоятельности: если вы против терроризма ЭТА, вы должны также активно бороться с международным терроризмом. Если вы этого не делаете, то вы (пусть даже косвенно) выступаете в поддержку терроризма в Испании.

Когда международный терроризм все же нанес удар по Испании серией взрывов в Мадриде годом позже, 11 марта 2004 г., в результате чего погибло около 200 человек, Аснар вроде бы получил нужное ему «доказательство» того, что международный терроризм является проблемой и для Испании. Однако, воспользовавшись тем же методом (мнимая амальгама международного терроризма и терроризма ЭТА), Аснар поначалу хотел убедить СМИ и население в том, что эти акции были совершены ЭТА. Цель Аснара была очевидна: усилить агрессивную политику, направленную против ЭТА, и получить голоса избирателей. Однако население и СМИ не поддались на такую явную попытку манипуляции, предпринятую за два дня до национальных выборов. Аснар и его партия выборы проиграли. Однако для нашего анализа важны лишь те импликатуры, которые содержатся в выступлении Аснара от 5 февраля 2003 г. Можно заметить, что увязывание в риторике вопросов внешней и внутренней политики — один из распространенных (но далеко не всегда действенных) способов получить голоса избирателей и опорочить политических оппонентов. Отсюда вытекает и акцентирование связи с ЭТА, и упор на национальную безопасность и чувство спокойствия граждан.

Наконец, остановимся еще на одном способе манипулирования мнением участников дискурса, который можно назвать «игрой в цифры». Это достаточно распространенная уловка в споре, и в речи Аснара игра в цифры выполняет несколько функций. Во-первых, это средство придать словам премьера впечатление объективности и точности. Во-вторых, числа, как и факты, — аргументы, против которых не-

возможно возражать. В-третьих, употребление числовых данных позволяет сформулировать аргументы против Хусейна в концентрированной форме, акцентируя внимание слушателей на нежелании последнего следовать договоренностям и выполнять международные резолюции.

No ha dado cuenta del agente nervioso VX producido y no declarado (Rumores.); no ha explicado el destino de 1.000 toneladas de agentes químicos que conservó tras la guerra con Irán; no ha dado cuenta de 6.500 proyectiles para carga química; no ha demostrado la destrucción de 8.500 litros de ántrax; no ha detenido la producción de misiles con un radio de más de 150 kilómetros; no ha revelado el destino de 380 propulsores de misiles con agentes químicos que fueron introducidos de contrabando en el país el mes anterior.

Он [Ирак] не отчитался по нервно-паралитическому газу VX, который производился, но не декларировался (Шум в зале.); он не объяснил, куда делась 1000 тонн химических реактивов, оставшихся со времен войны с Ираном; он не отчитался о 6500 артиллерийских снарядах, снаряженных отравляющими веществами; он не продемонстрировал уничтожение 8500 литров препарата сибирской язвы; он не прекратил производство ракет дальностью свыше 150 километров; он не сообщил, куда делось 380 двигателей для ракет, способных нести химические боеголовки, которые были контрабандно ввезены в страну месяц назад.

Очевидно, что здесь важно само наличие чисел, а конкретные величины значения не имеют — можно сказать, что в дискурсе апологии непопулярного решения лингвистический аспект подачи подобной информации превалирует над математическим. Уже то, что даже спустя несколько месяцев после оккупации Ирака (позже ситуацию просто «спустили на тормозах») ничего из перечисленного Аснаром обнаружено не было, показывает, что эти числа либо относятся к каким-то безвредным химикатам, либо полностью выдуманы. Политический смысл и импликатура такой игры в цифры, однако, заключаются в создании впечатления объективности и достоверности. Аснар показывает свою информированность и то, как тщательно он подготовился к выступлению. Оппозиция в этом отношении оказывается в проигрышном положении, поскольку не может столь легко оперировать цифрами, защищая антивоенную политику. В то же время Аснар несомненно использует приводимые «факты» как доказательство ужасного характера Саддама Хусейна, что является еще одним аргументом в поддержку войны. В целом игра с цифрами — проявление более общей стратегии, которую можно обозначить как «создание имиджа приверженца твердых фактов». Эта стратегия играет роль не только в аргументации непопулярных решений, но практически в любом политическом взаимодействии, сигнализируя о прав-

дивости и точности, а следовательно, о компетентности говорящего и достоверности исходящей от него информации. Истинность фактов сама по себе большого значения не имеет: политическая цель — внушить доверие. То же самое, впрочем, относится и к значительной части медиадискурса.

Хотя мы и не имели возможности уделить должное внимание всем структурам, приемам и стратегиям, применяемым в речах Аснара перед парламентом по вопросу об Ираке, мы увидели наиболее общие приемы и стратегии, используемые политиками для оправдания непопулярных решений перед оппозицией, СМИ, населением. Действительно, неожиданных ходов и решений в этих выступлениях очень немного, большинство стратегий можно считать классикой политических выступлений, уже рассмотренных в соответствующей литературе по дискурс-анализу — например, в работах Т. ван Дейка. К таким стратегиям относятся стратегия положительной самопрезентации и отрицательной презентации другой стороны, а также целый ряд риторических и логических (квазилогиче-

ских?) уловок, таких, как использование статистики или чисел, консенсус, интернационализм, обращение к авторитетам, сравнения и примеры, оправдывающие ту или иную политику. Лингвополитический анализ, аналогичный предложенному, вносит определенный вклад в изучение структур и функций выступления в политическом процессе.

ЛИТЕРАТУРА

Chomsky N. *Hegemony or Survival: America's Quest for Global Dominance*. — N. Y.: Metropolitan Books, 2003.

Gazdar G. *Pragmatics: Implicature, Presupposition and Logical Form*. — N. Y.: Academic Press, 1979.

Levinson S. C. *Presumptive Meanings: The Theory of Generalized Conversational Implicature*. — Cambridge, MA: MIT Press, 2000.

Dijk, van T. A. *Principles of Critical Discourse Analysis // Discourse and Society*. 1993. № 4(2). P. 249—283.

Dijk, van T. A. *Ideología y discurso*. — Barcelona: Ariel, 2003.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов